

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 208–217

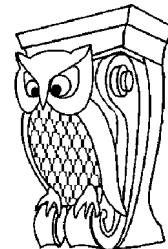
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 208–217

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-208-217>, EDN: MKLBGM

Научная статья

УДК 94-054.6(410.1)|13|

Иностранцы в экономике и социуме Лондона XIV в.: взаимодействие и конфликты

Д. В. Лештаев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Лештаев Дмитрий Валерьевич, аспирант, ассистент кафедры всеобщей истории, d-Leshtaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4435-4102>, AuthorID: 1179146

Аннотация. В статье рассматривается место иностранцев в экономике и обществе Лондона XIV в. Основываясь на данных широкого круга источников и исследовательской литературы, автор выделяет основные группы иностранных торговых партнёров английской столицы и отношение к ним со стороны муниципального социума, прослеживает историю борьбы города за сохранение своих привилегий в отношениях с иноземцами в XIV в., даёт характеристику изменениям экономической ситуации на фоне развивавшегося противостояния. Приводятся примеры встраивания иностранцев в лондонское общество XIV в., высвечивающие ряд осваиваемых ими ниш, в т. ч. в области противоправных действий. Делается вывод о важности иностранного присутствия в Лондоне для развития внешнеэкономических связей Англии и сопровождающем его изменении отношения общества к иноземным купцам в сторону более негативного, призывающих к стимулированию развития национальной торговли.

Ключевые слова: иностранцы, иностранные торговцы, натурализовавшиеся, розничная торговля, Лондон, XIV век, Англия, средневековый город, королевские хартии, повседневная жизнь, взаимодействие, конфликты

Для цитирования: Лештаев Д. В. Иностранцы в экономике и социуме Лондона XIV в.: взаимодействие и конфликты // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 208–217. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-208-217>, EDN: MKLBGM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The aliens in the economy and society of London in the 14th century: Interaction and conflicts

D. V. Leshtaev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Dmitry V. Leshtaev, d-Leshtaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4435-4102>, AuthorID: 1179146

Abstract. The article examines the place of aliens in the economy and society of 14th-century London. Based on a wide range of sources and research literature, the author identifies the main groups of foreign trading partners of the English capital and the attitude of municipal society towards them, traces the history of the City's struggle to maintain its privileges in relations with aliens in the 14th century, and characterizes the changes in the economic situation against the backdrop of the developing confrontation. Examples of the integration of aliens into 14th-century London society are given, highlighting a number of niches they were mastering, including the area of illegal activities. A conclusion is made about the importance of the merchant strangers' presence in London for the development of England's foreign economic relations and the accompanying change in society's attitude towards foreign merchants, which became more negative, with calls for stimulating the development of national trade.

Keywords: aliens, merchant strangers, denizens, retail, London, 14th century, England, medieval city, royal charters, everyday life, interaction, conflicts

For citation: Leshtaev D. V. The aliens in the economy and society of London in the 14th century: Interaction and conflicts. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 208–217 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-208-217>, EDN: MKLBGM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

«Среди благородных и прославленных городов мира, город Лондон, столица королевства англов, особенно возвеличен мольвой, более других обладает богатством и товарами и выше

других вздымаает голову... В этом городе купцы (institores) всех народов, живущих под небесами и плавающих по морям, рады вести торговлю... Золото шлют арабы, специи и ладан сабеи, /

оружие – скифы, пальмовое масло из богатых лесов – / Тучная земля Вавилона, Нил – драгоценные камни, / Китай – пурпурные ткани, галлы – свои вина, / норвеги, руссы – беличьи меха, соболей», – так восторженно описывал место Лондона в международной торговле конца XII в. английский клирик Уильям Фиц-Степен (ум. ок. 1191), предваряя свою «Житие» архиепископа Кентерберийского Томаса Бекета (1119/20–1170) [1, с. 147, 151]. А вот что писал по этому поводу анонимный автор первой половины XV в.: «Одна лишь забота английской политики, / Она очевидна – в покое и мире хранить королевство / Англией всей, оспорить такого не может никто. / Нельзя не сказать, что для любого, / Кто плавает к северу, к югу, на восток и на запад, / Это одна из насущных забот, / Лелеять купцов, думать о них постоянно / И пролива хозяином мы станем тогда»; «Где наши суда, во что превратились наши мечи? / Наши врачи не прочь корабли в овец превратить. / Увы, наше правление хромо, оно и бессильно. / Кто отважен сказать, что власть сможет хранить, / (Об этом и хочу я сказать, хотя сердце моё слезами омыто в этом свершении) / Если мы хотим процветать, / С великим позором отступившись от моря?» [2, с. 39, 40].

О чём свидетельствуют два приведённых отрывка? Налицо резкая смена оценки важности иностранного присутствия в английской торговле: если для автора конца XII в. привлекательность столицы для заморских товаров является свидетельством её благосостояния и статуса, то для анонима начала XV в. на первый план выходит необходимость заботы о том, чтобы большая их часть доставлялась не иноземцами, а самими англичанами. Автор вопрошает: «Сможет ли правитель любой, если желает сберечь имя своё, / Имеющий ноблей значительно больше, нежели мы, / Быть хозяином моря и фланандцы, вопреки нашей славе, / Нас остановят, помешают нам и завянут цветы / Государства английского и чести нашей устои?» [2, с. 40]. Негодование вызывают также дороговизна и бесполезность многоного из доставляемой продукции: «Большие галеры из Венеции и Флоренции / Гружёные доверху товарами для развлечений и наслаждений, <...> / Вещи, которым и в мыслях нет нужды. / Большинство из этих товаров нам не нужны, они и вредны; / Полезнее от них отказаться, уж слишком они дороги... Поскольку эти галеры со столь утончённым товаром / И со сластями увозят от нас лучшее наше, / Олово, сукна и шерсть, то есть то, чем мы богаты, / Каждой стране столь необходимо и большая нужда / В нашей названной тройке товаров. / А за них мы получаем товары и вещи, / Которыми легко пренебречь» [2, с. 50, 51].

Закономерно возникает вопрос: где тот водораздел, который отделяет благосклонность

к иностранцам XII–XIII вв. и неприязнь, обвинения в намеренном развращении и ограблении Англии XV в.? В. И. Золотов связывает его с переосмыслением английским обществом целей и смысла Столетней войны и переживаемым им во второй половине столетия «кризисом исторической памяти, наступающем при столкновении исторического сознания с опытом» [3, с. 54–58; 4, с. 50–51]. Нам кажется, что ответ следует искать в XIV столетии, когда в повестке дня впервые обозначилась необходимость поощрения местной промышленности и развития английского присутствия в международной торговле.

Применительно к «веку Чосера», как назвал его Дж. М. Тревельян, ещё трудно говорить о целенаправленной протекционистской политике, поскольку многие из ограничительных мер того времени диктовались не столько государственными, сколько личными потребностями нуждавшихся во вспомоществовании королей, и по той же причине не имели постоянного характера, нередко приобретая дискриминационные в отношении островных производителей и коммерсантов черты. Тем не менее, именно в XIV в. английское торговое сословие достигает своего расцвета, свидетельством чего становятся и внимание власти к обеспечению безопасности внешней торговли и соблюдению прав купечества за рубежом, и её же попытки использовать новый ресурс в качестве дополнительного источника доходов, в т. ч. внепарламентским путём [5, с. 107–132]. Однако вместе с благосостоянием растёт и политическая значимость английских негоциантов, всё чаще позволяющих себе выскаживать несогласие с решениями правительства и объявлять ему бойкот [5, с. 128–129], а к рубежу XIV и XV столетий – в полной мере вмешиваться в события политической жизни королевства, отстаивая собственные привилегии и последовательно добиваясь выдавливания иностранцев из коммерческой деятельности [6, р. 523–525]. Важнейшая роль в этих процессах принадлежала лондонским купцам.

История взаимоотношений иностранцев и «торгового класса» английской столицы была долгой и насыщенной. Удачное географическое положение, превратившее город в «естественный центр национальной торговли» [7, с. 45, 51], и его статус способствовали довольно раннему появлению иноземцев в Лондоне. Тем не менее общая ориентированность донормандской Англии на приоритетное взаимодействие со скандинавским регионом приводила к тому, что и первые появившиеся здесь иностранные торговцы были преимущественно выходцами из северной и северо-западной Европы. Среди них особое место занимали датские и норвежские купцы, обладавшие исключительным правом проживания в Лондоне в течение года, немецкие, плотно обосновавшиеся здесь уже к концу

IX в., и т. н. «французы», в основном выходцы из Нормандии и, возможно, Фландрии, вероятно, также владевшие широким набором привилегий [8, с. 75–84, 160–161, 166; 9, р. 198, 235; 10, с. 203].

Нормандское завоевание 1066 г. сместило акценты внешнего взаимодействия, что сказалось и на характере иностранного присутствия в Лондоне: к концу XIII в. скандинавское влияние в городе сократилось настолько, что торговля с Норвегией почти полностью сконцентрировалась в менее крупных портовых центрах (на востоке – Гrimсби, на западе – Гулль, Бостон и Линн), а датское направление было практически заброшено [8, с. 359; 9, р. 625, 486; 11, р. 87]. Заметно сократился и торговый оборот с Нормандией, чему способствовали утрата герцогства в 1204 г. и общее снижение во внешнеторговом взаимодействии доли Руана, некогда служившего одним из главных каналов сообщения Англии с внутренними европейскими рынками [8, с. 168–169; 12, с. 5].

Вместо этого активно развивались контакты с итальянскими, фландрскими и гасконскими негоциантами, не прерывавшиеся и с началом Столетней войны [13, с. 331–335]. Апеннинская община Лондона начала формироваться в 1220-х гг., когда в столице впервые фиксируются выходцы из Флоренции, Лукки, Сиены, Пьяченцы, Пистои и Генуи. В начале XIV в. их ряды пополнили торговцы из Милана, Падуи и Асти, а в 1319 г. – из Венеции [11, р. 88].

Фландрское присутствие обеспечивалось в большей степени ремесленниками, активно переселявшимися на острова вслед за Вильгельмом Завоевателем и приносившими с собой технологию выделки шерсти [8, с. 159–165; 12, с. 34–35], хотя, вероятно, не менее заметным было и купеческое представительство: с 1240-х гг. в столице фиксируется наличие т. н. Ганзы Сент-Омера, объединившей указанный город и несколько сопредельных с ним муниципалитетов, специализировавшихся на торговле шерстью, около 1268 г. появились здесь и агенты Лондонской Ганзы Брюгге [11, р. 92; 14, с. 121]. При этом вопрос, составляли ли фландрские торговцы некое самостоятельное объединение внутри города (т. н. Фламандская Ганза), остаётся дискуссионным. Помимо них в Лондоне также проживало некоторое количество гасконцев, чьей прерогативой оставался импорт вина, и постепенно вытеснявших их из этой сферы деятельности испанцев [15, р. 131].

Сохранилось и германское представительство, важность которого во все времена объяснялась обеспечением притока европейского серебра и ролью в поддержании торговых отношений с североевропейскими рынками [9, р. 198; 16, с. 61]. Однако и оно претерпевает ряд важных структурных перемен: на смену доминировавшим кельнцам, выражением статуса которых

стало полученное ещё в 1155 г. собственное здание для собраний на Темза-стрит, аналогичное Гилдхоллу, с 1170-х гг. приходят нараставшие своё присутствие на Балтике любекцы, перехватившие инициативу в сельдяном промысле и возглавляющие объединение импортёров стерлингового серебра (*Esterlings*). Их положение было закреплено привилегиями Генриха III от 1237 г. [9, р. 198; 11, р. 85; 17, с. 123]. В 1268 г. вокруг Любека складывается собственная Ганза, что вызывает противодействие кельнских купцов, однако тянувшаяся до конца XIII в. череда тяжб привела к тому, что в 1281 г. после очередной серии разбирательств была учреждена общая для немецких торговцев компания (*Hanse of Almaine*) и разделены сферы влияния (Лондон оставался за кельнцами) [11, р. 86; 14, с. 121; 16, с. 53]. На базе её имущества и возник Стальной двор (*Steelyard*), фактория в Доугейте и Винтри, ставшая символом ганзейского присутствия в английской экономике¹.

Как и в целом по стране, в Лондоне проживало сравнительно небольшое число иноземцев, тем не менее контролировавших заметную часть его экономики: согласно М. Ковалески, город обеспечивал 65% коммерческой деятельности иностранцев, при том что само их присутствие ограничивалось 37%, а в общей сложности вместе с Бостоном на столицу приходился 71% всех совершаемых ими торговых операций [9, р. 481, 484]. Т. А. Медведева показала, что из 1740 иностранцев, принесших клятву верности короне в 1436 г., в Лондоне осели только 307 человек [18, с. 66], а А. Г. Праздников, ссылаясь на С. Л. Трапп, пишет о 3 тыс. в 1501–1502 гг. [19, с. 29, 70], при том что всё его население к 1520–1530-м гг. могло составлять 50–60 тыс. человек [7, с. 49; 20, с. 246]. Вместе с тем необходимо учитывать их этническую разнородность, что также сказывается на величине показателей для отдельных групп. Так, на территории ганзейской фактории в Доугейте единовременно проживали не более 20 человек, а общее число осевших в городе к концу XV в. итальянцев не превышало 50 мужчин и нескольких женщин [9, р. 401; 11, р. 113]. Несмотря на это, уже в конце XIII в. на долю апеннинцев приходилось около 20% столичного экспорта шерсти (столько же обеспечивали вместе немецкие и нидерландские купцы), а общее присутствие выходцев из Средиземноморья в экономике города, согласно данным об уплате талли 1304 г., достигало 60% [9, р. 199]. Доля занятых в Лондоне фламандцев до 1270-х гг. кратно превышала число собственно столичных жителей [9, р. 199] и начала сокращаться только в XIV в. на фоне растущей эскалации англо-французского противостояния.

Заметным было и гасконское присутствие. Как показали расчёты, выполненные на основе данных В. Р. Чайлдс, на купцов из Юго-

Западной Франции (внутренние районы Гаскони, Монтобан, Тулуза, Монпелье) приходилось 48% всех долговых обязательств, зарегистрированных между 1276 и 1284 гг. [11, р. 85; 15, р. 16]. Ему лишь немногим уступали испанцы (31%), число которых также оставалось невелико и варьировалось в зависимости от состояния англо-кастильских отношений. По оценке К. М. Бэррон, если в начале правления Эдуарда I (1272–1307) в Лондоне насчитывалось около 30 пиренейцев, то к 1320-м гг. их число могло сократиться [11, р. 86; 15, р. 16]. Несмотря на это, в 1331 г. Эдуард III (1327–1377) освободил испанцев от уплаты поборов на ремонт стен (*turage*), дорог (*pavage*) и моста (*pontage*), что, вероятно, свидетельствует о сохранявшейся значимости их присутствия в столице.

Средневековая международная торговля носила преимущественно городской характер, что объясняет ограничительные мероприятия муниципалитетов, действовавшие не только в отношении иностранцев, но и всех «чужеземцев», включая представителей других английских городов [17, с. 121]. Показателен в этом отношении ответ столичного магистрата на запрос Эдуарда I от 29 августа 1300 г. о правах бордосских виноторговцев, в котором тот поспешил напомнить, что не только они, но и все иностранцы (*or any other foreign merchants*) не имеют права использовать складские помещения в качестве жилых, обязаны селиться у англичан, а срок их пребывания в городе ограничен 40 днями [21, р. 80]. Этот случай тем более примечателен, если вспомнить, что гасконские купцы обладали широчайшим спектром привилегий, дарованных им серией монарших хартий 1275, 1280 и 1285 гг. и включавших в себя право розничной торговли и свободного сбыта вина на всей территории страны, бессрочного проживания в столице и пользования правами лондонских фрименов [8, с. 168; 11, р. 85]. Ордонанс 1302 г., подтвердивший старые привилегии и содержавший ряд новых, включая отмену королевской призы, лишь способствовал укреплению их позиций, а Купеческая хартия 1303 г. и вовсе спровоцировала демарш муниципальных властей, отказавшихся назначить сборщиков «новой пошлины» [6, р. 520; 22, с. 242, 246–247].

В следующий раз Лондон выступил против королевских привилегий иностранцам в 1310-е гг., воспользовавшись разразившимся в стране политическим кризисом. Ещё в 1310 г. Эдуард II (1307–1327) отменил «новую пошлину», чем не преминуло воспользоваться столичное купечество, заявившее, что её снятие автоматически ликвидирует и сопряжённые с ней права и свободы (это дало У. Каннингему повод утверждать, что инициаторами отмены побора были сами лондонцы) [8, с. 249]. Следующим шагом стало обращение к статьям, принятых

под нажимом феодальной оппозиции Ордонансов 1311 г., среди прочего отменявших прежние «старинные права и обычаи», регулировавшие отношения с иноземцами [6, р. 520–521]. Несмотря на то, что впоследствии Эдуард II отказался соблюдать положения Ордонансов, пользуясь его отсутствием, магистрат в 1312 г. восстановил для иностранцев (*merchant strangers*) 40-дневный срок разрешённого пребывания [23, р. 282–283], а затем, вероятно, и прочие ограничения, о чём свидетельствует случай 1315 г.: ссылаясь на нарушение привилегий города и апеллируя к запрету на ведение коммерческой деятельности между иноземцами, власти конфисковали бочонок вина у гасконца Джерарда Доргойла (*Gerard Dorgoil*), продавшего его занимавшемуся розничной торговлей земляку Уильяму де Элтему (*William de Eltham*) [24, р. 45–46].

Однако успех оказался временным: уже в 1319 г. Эдуард II подтвердил право иностранных купцов проживать в Лондоне без обязательного расселения у англичан [25, р. 49], в 1322 г., добившись отмены Ордонансов, вернул им оставшиеся привилегии (ответом на этот шаг стал погром Барди в Лондоне) [17, с. 120], а в 1323 г. восстановил «новую пошлину» [6, р. 521]. В 1326 г. чаша весов вновь склонилась в пользу города: пленённый после неудачной попытки побега, король был вынужден пойти на очередные уступки, запретив иностранцам вывоз шерсти и материалов, используемых при её обработке, а также лишив их допуска к правам фримена, в т. ч. и тех, кто обладал ими на момент выхода грамоты (декабрь 1326 г.), сделав исключение лишь для Амьена, Корби и Неля – городов т. н. Пикардийской Ганзы [26, р. 149–151].

Не менее напряжённо складывались отношения между городом и Эдуардом III. Обстоятельства прихода к власти, очевидно, вынуждали молодого правителя и окружавшую его придворную фракцию искать поддержки у столичного бургерства, результатом чего стала первая хартия Лондону от 6 марта 1327 г., в очередной раз восстанавливавшая 40-дневный срок реализации товаров, обязательность постоя у англичан и запрещавшая иноземцам содержать собственные хозяйства или проживать совместно (*without any households or societies by them to be kept*) [25, р. 55]. Тем не менее в 1335 г. парламент вновь отменил все ограничения для иностранцев, вернув им, в частности, право свободной торговли продовольственными товарами, что вызвало сопротивление столичных купцов [5, с. 114; 6, р. 522; 8, с. 256]. Добившись включения в документ положения о сохранении за Лондоном всех его «старинных свобод и вольных обычаев», гарантированных ещё Великой хартией, город способствовал возникновению ситуации неопределённости, при которой одновременно охранялись и права иностранных негоциантов,

и прямо противоречавшие им привилегии муниципалитета [25, р. 61–62; 27, р. 14–15]. Это привело к неоднократным требованиям их подтверждения, первые из которых появились уже в 1337 г.: изданная 26 марта третья хартия Эдуарда III, получившая статус патентной грамоты, вновь признавала «целость и неприкосновенность» (*unhurt and whole*) лондонских свобод, хотя по-прежнему содержала аналогичные гарантии иностранцам [25, р. 62].

Динамика иностранного присутствия в английской экономике XIV в. была тесно связана со становлением стапельной системы. Стапль, т. е. учреждённый в том или ином городе склад, выступающий местом концентрации и реализации определённых товаров, и сопряжённая с ним государственная монополия, передаваемая на откуп третьим лицам, мог создаваться как внутри страны, так и за её пределами, в зависимости от политической ситуации выступая то ограничителем, то, напротив, средством развития иностранного участия во внешнеторговом взаимодействии. Целью стапельной политики становилась централизация поступления королевских доходов с наиболее прибыльных статей вывоза, важнейшей из которых в рассматриваемое время стала шерсть. Этому же намерению служила практика установления на неё фиксированной цены [8, с. 267–270].

Возникновение системы стаплей было обусловлено и ростом финансовой состоятельности английского купечества в первой половине XIV в., однако она же стала одной из причин его скорого заката к середине столетия, будучи не в состоянии компенсировать затраты на спонсирование военных мероприятий короля и при необходимости превращаясь в инструмент злоупотреблений и дискриминации коммерсантов.

Лишившийся в 1351 г. своих английских кредиторов и вынужденный согласиться на парламентское обложение шерсти без попыток апелляции к мнению купеческих конференций, Эдуард III в очередной раз ликвидирует стапельную монополию и допускает на внутренний рынок иностранцев, получая от общин налог в 40 ш. с каждого мешка шерсти и подтверждение статута 1335 г. [5, с. 122, 131–132]. Всё вместе это привело к ухудшению экономической ситуации в Лондоне: в том же году мэрия шлёт обращения в парламент (заседал с 9 февраля по 5 марта) [27, р. 229], а в 1353 и 1355/56 гг. – на имя короля [28, р. 14–15, 52]², в которых в очередной раз просит подтвердить свои права³. О глубине постигшего английскую столицу кризиса можно судить исходя из содержания петиции, поданной «во вторник перед Днём Св. Георгия [23 апреля]» 1357 г.: в ней власти города жалуются, что многие из «добрых людей» (*good folk*) покидают его в поисках лучших мест для ведения торговли, а привилегия иностранцев судиться

по купеческому праву, т. е. при паритетном представительстве своей стороны, привела к тому, что теперь никто не желает занимать должности в муниципальной администрации, включая пост мэра [28, р. 86]. Те же меры способствовали росту цен на завозимые иноземцами товары, из-за чего их стоимость увеличилась на 50% и более. И хотя в том же году англичане получили право участвовать в экспорте шерсти на тех же правах, что и иностранцы [5, с. 123], эта мера, вероятно, не возымела искомого действия, как и её подтверждения 1361 и 1362 гг., о чём косвенно свидетельствует позднейшая недатированная петиция в парламент (вероятно, март 1364/65 г.), показывающая, что купцы по-прежнему покидали пределы лондонской юрисдикции, переселяясь в Вестминстер или либерти Сент-Мартин-Ле-Гранд [28, р. 185]⁴.

Видимо, последнее обращение достигло цели, поскольку в феврале (?) того же года Эдуард III жалует столице очередные гарантии привилегий, правда, прося не забывать, что в своё время они были отняты у города «без возражений» (*without gainsaying*) с его стороны [28, р. 187]⁵. Вновь учреждая 40-дневный срок реализации товаров и запрет на ведение розничной торговли для иностранцев, королевские статьи даровали лондонцам право свободной торговли с континентом (включая свободу ассортимента товаров) и освобождали их от ответственности за неправомочные деяния, совершённые иноземцами, либо возложенной на них в результате дознаний, проведённых с участием «других людей, не включающих [в себя] людей города» (*other folk, save the folk of the City*) [28, р. 187]. Вместе с тем, подобно иностранцам, столичным купцам запрещалось вести розничную торговлю.

Сказанного достаточно, чтобы понять, что проблема борьбы за сохранение Лондоном своих привилегий оставалась актуальной на протяжении всего правления Эдуарда III. Примечательно, что, как и во времена его отца, город временами саботировал высочайшие распоряжения: об этом, например, свидетельствует неисполнение одним из столичных шерифов Уильямом Дайкменом (*William Dykeman*) королевского распоряжения об оглашении очередного подтверждения статута 1351 г., принятого в 1368 г. [28, р. 230].

Расположение верховной власти к иностранцам заметно уязвляло самолюбие лондонцев, иногда приводя к эксцессам. Так, в 1371 г. к наказанию позорным столбом и точильным камнем был приговорён некто Николас Моллере (*Nicholas Mollere*), слуга (*servant*) члена гильдии кузнецов Джона Топпесфельда (*John Toppesfeld*), распространявший слухи, будто иностранцам вновь позволено торговать наравне с фрименами [28, р. 283]⁶. Примечательно, что в начале 1370-х гг. власть в городе ещё находилась в руках т. н. «старого» патрициата,

представленного в основном торговцами продуктами питания (виктуаллерами) и экспортёрами шерсти [29, с. 50], а потому, надо полагать, болезненно относившегося к подобным заявлениям.

Противостояние «старого» и «нового», олицетворявшего новые отрасли экономики, в частности сукноделие, патрициатов во многом определяло характер борьбы Лондона за свои привилегии в конце XIV в. Последняя за время правления Эдуарда III попытка столицы взять реванш имела место на «Добром парламенте» 1376 г. В историографии приводятся различные мнения относительно того, на чьей стороне выступил «старый» патрициат. В частности, Р. Хилтон и Г. Фаган сообщали, что виктуаллеры поддержали противников Джона Гонта, якобы разделявшего идею «нового» патрициата о необходимости снятия торговых ограничений [30, с. 47]⁷. Подобную точку зрения следует признать ошибочной, поскольку именно близкое к власти «старое» лондонское купечество оказалось под огнём критики Палаты общин: ряд его представителей был обвинён в коррупции и измене, осуждён, и лишь личное вмешательство герцога спасло некоторых из них от смертной казни [5, с. 124; 29, с. 51]. Несомненно, что ни одна из рассматриваемых категорий не могла быть единой в своей поддержке той или иной стороны, однако если бы «старый» патрициат действительно выступил вместе с депутатами, то едва бы добился тех привилегий, которые были дарованы городу последней, шестой, хартией Эдуарда III от 4 ноября 1376 г. (напомним, что «Добрый парламент» был распущен в июле, а его решения – отменены).

Составленная на основании петиции хартия вновь лишала иностранцев возможности свободного расселения, накладывала ограничения на взаимодействие с брокерами (теперь выступать посредником могло лишь лицо, прошедшее процедуру отбора профильной гильдии и утверждённое решением мэра и олдерменов), а также запрещала для них розничную торговлю [25, р. 67]. Примечательно, что, оправдывая необходимость возвращения «протекционистских» мер, столичное купечество апеллировало уже не только к собственным издержкам, но и необходимости укрепления безопасности государства: иноземцы прямо обвинялись в шпионаже, а их широкое присутствие в экономике страны называлось главной причиной упадка английского флота [25, р. 68]. Ровно через месяц (4 декабря) эти положения получили повторное подтверждение, единственным их отличием стал отказ от распространения ограничительных мер на купцов Немецкой Ганзы [31, р. 53].

По мнению О. В. Яблонской, возвращение ограничений стало важной победой «старого» патрициата, позиции которого заметно пошатнулись после обвинений, выдвинутых на «Добром

парламенте»: таким образом виктуаллерам удалось обеспечить экономическое преимущество в борьбе с «новыми» элитами, лидирующее положение среди которых занимали поощрившие иностранное присутствие суконщики (мэр Лондона в 1376 г. был торговец тканями Адам Стэбл) [32, с. 9]. Фактически поддержка герцога позволила им пережить проводившиеся в августе и ноябре того же года реформы городского самоуправления, направленные на расширение цехового представительства и внесение существенных корректировок в порядок избрания и отправления полномочий олдерменов, а затем и вернуть власть в 1377 г. [32, с. 8–9].

Сказанное заметно актуализирует проблему существования англичан и иностранцев в Лондоне. Ранее уже было замечено, что малочисленность иноzemных коммерсантов и налагаемые на них ограничения отнюдь не способствовали взаимопониманию в отношениях с местным сообществом. Однако практика обращений к английским посредникам, столь беспокоившая муниципальные власти, и натурализация отдельных иностранцев свидетельствуют об их довольно скорой адаптации к новым условиям и позволяют утверждать, что намеренное обособление было характерно лишь для некоторой их части и мало затрагивало экономическую деятельность: по данным С. Л. Трапп, $\frac{1}{6}$ проживавших в столице в начале XVI в. иноzemцев по своему достатку принадлежала к средним слоям населения [19, с. 70]. Это заметно уже на материалах XIV в., содержащих сведения о предоставлении иностранцам прав лондонских фрименов: например, в письме мэра Ричарда Кислингбери «народу и общине Флоренции» от 1350 г. упоминается некто Грегорио Бонакурси (*Gregorio Bonacursi*), *«de laterino»*, горожанин Лондона (*citizen of London*), а к 1368 г. относятся известия о владевшем городскими свободами ломбардце Томасе Сэрланде, занимавшемся посреднической торговлей между столицей и Фландрисей [33, р. 3; 19, с. 46–47].

Столь же красноречивы сведения о занятии иностранцами и их потомками высоких административных должностей. Так, в 1309 г. мэр был избран торговец пряностями Томас Ромейн (*Thomas Romeyn / Rotayn*), фамилия которого свидетельствует о наличии итальянских корней («Римлянин»). Среди служивших с ним в одно время олдерменов можно обнаружить выходцев из Кагора и Бержерака Гильома Серва (*Guillaume Servat*) и Гильома Трента (*Guillaume Trent*), отправлявших полномочия в 1309–1319 и 1309–1316 гг. соответственно, а убитый в 1303 г. фламандец Томасatte Велле (*Thomas atte Welle*) занимал при одном из столичных шерифов должность сержанта [34, р. 8–10].

Отмечались случаи создания смешанных семей: например, на англичанках были женаты горожанин Слэйса Оливье Феринг (*Oliver*

Feryng) [33, р. 41–42], флорентиец Камбин Фулберти (*Cambin Fulberti*), чья старшая дочь Джоанна (*Johane*) также вышла замуж за англичанина – торговца рыбой Роберта Фрешфиша (*Robert Freshfish*), и выходец из Тулузы Ричард Элви (*Richard Alwy*), имевший в браке с некой Элис (*Alis*) двух сыновей и трёх дочерей, наречённых английскими именами. Ему не уступал другой флорентиец, Камбин Фантини (*Cambin Fantini*), отец семерых рождённых в Лондоне детей [34, р. 9, 11].

Как видно из приведённых примеров, в рассматриваемое время уже имели место случаи взаимной открытости англичан и иностранцев, приводившие к более активному вовлечению последних в жизнь муниципального социума. И всё же в основе своей сообщества иноземцев оставались закрытыми и малодоступными для налаживания каких бы то ни было контактов помимо деловых. Ярким примером этого послужит Немецкая Ганза, напоминавшая, по выражению У. Дж. Эшли, «торговую гильдию, заключенную внутри крепостных стен»: территория фактории была обнесена каменной стеной, все члены компании обязывались иметь при себе оружие, а общение с внешним миром обеспечивалось через старшину (олдермена) Ганзы, одновременно возглавлявшего суд и ведавшего финансовыми вопросами [11, р. 87; 17, с. 124]. Столь же необщительны были итальянцы, компактно проживавшие на северо-востоке Лондона в районе Лэнгборо и Брод-стрит, посещавшие местный августинский приход, в котором служил говоривший на их языке (на каком именно – неизвестно) священник [9, р. 401; 11, р. 113]. К подобным замкнутым объединениям можно отнести и «гильдию» нидерландских ткачей, оберегавшую себя от конкуренции не только со стороны лондонских, но и новоприбывших мастеров [26, р. 307].

Нередко такая закрытость могла сочетаться с пренебрежительным отношением к английскому окружению и нарочитой внешней демонстрацией благополучия. В этом случае показательны занимавшиеся импортом предметов роскоши венецианцы, по оценке К. М. Бэррон, тратившие на жизнь больше, чем прочие итальянские коммерсанты, и особенно молодёжь, воспринимавшая обучение в местных филиалах торговых и банковских домов как «ссылку» [11, р. 113–114].

Последнее во многом осложняло взаимоотношения столичных жителей и иностранцев. Так, ещё в 1300 г. один из горожан подал в суд на итальянцев, назвавших его «английской собакой» [22, с. 236]. Тем не менее, куда чаще причиной конфликтов становились более прагматические причины, например, изъятие большей части иноземцев из муниципальной юрисдикции: в частности, права нидерландских ткачей, активно переселявшихся в Англию с 1330-х гг.

и составлявших в Лондоне практически сложившийся ремесленный цех, или ганзейских купцов, на которых возлагалась ответственность за поддержание сохранности Епископских ворот, охранявшиеся королевскими грамотами, делали их неподсудными столичным властям, при том, что последние обязывались гарантировать их соблюдение [6, р. 465–468; 8, с. 166; 17, с. 469–471].

С привилегированным положением иноземцев были связаны и конфликты в сфере профессиональных отношений. Так, в октябре 1333 г. трое торговцев шёлковыми тканями Генри Форестер, Томас де Мелдоун и Джон Мелевард, подстрекаемые товарищем по гильдии Ричардом Фелипом, совершили вооружённое нападение на ломбардских купцов Франциско Боучело (*Francisco Bochel*) и Реймунда Флэми (*Reymund Flamy*), проживавших в Старом Еврейском квартале (*Old Jewry*), и нанесли им большой ущерб, в т. ч. здоровью, серьёзно ранив Франциско [26, р. 302–303; 35, с. 224]. По той же причине в дни Крестьянского восстания 1381 г. в Лондоне погибло немало фламандцев, чьё переселение поощрялось суконщиками и негативно сказывалось на состоянии гильдии ткачей, поставленной ими в зависимое положение [30, с. 48; 36, р. 73; 37, с. 62–69]. Помимо открытого насилия в рамках борьбы с конкурентами использовались и формальные предлоги, например, в 1353 г., когда поводом для закрытия таверны, державшейся генуэзцами Франциско (*Francisco of Genoe*) и Панино Гильельми (*Panino Guillelmi*), послужило нарушение ими запрета на одновременный отпуск красного и белого и сладких вин: их смешение при употреблении считалось вредным для здоровья, и тем не менее решение муниципалитета было оспорено итальянцами перед Эдуардом III [26, р. 270].

Нередко иностранцы и сами оказывались в числе нарушителей общественного спокойствия. Решения магистрата по обращениям нидерландских ткачей свидетельствуют, что наиболее распространённым у них способом выяснения отношений были достигавшие значительных масштабов драки с участием мастеров и их слуг [26, р. 332, 346]. Иностранцы занимались подлогом, причём их сообщниками зачастую выступали англичане. Например, в 1313 г. было вскрыто предприятие неких Чукконе Ломбардца (*Chuccone the Lombard*), Уильяма Рейнера (*William Reynere*) и вступившего с ними в сговор Джона де Бледелу (*John de Bledelow*), выпекавших и пускавших в продажу т. н. «французский хлеб» (*French bread*), весивший меньше принятого стандарта: его вес был определён в 29 ш. 2 п. (1 ш. = $\frac{3}{5}$ унции), что на 12 ш. 10 п. легче установленной нормы [26, р. 108]. Их дальнейшая судьба осталась неизвестной, в отличие от уличённого в 1376 г. в изготовлении поддельного векселя на 60 ш. ломбардца Бетта Босана (*Bette Bosan*)

Bosan), действовавшего в союзе с торговцем рыбой Джоном Бурвеллем (*John Burwelle*): он был приговорён к выплате штрафа в размере 10 ш. пострадавшему от их аферы Джону Стоу из Ковентри и позорному столбу (примечательно, что его английский подельник избежал заслуженной кары) [26, р. 404].

Заметно иноzemное присутствие и в более тяжких преступлениях, в частности, убийствах и кражах. Так, в октябре 1323 г. коронером было зафиксировано убийство некоего Джона де Шартра де Монлери (*John de Chartres de Monte Leheri*), чьё почти сгоревшее тело было обнаружено в кухонной печи гостиницы в приходе Св. Милдрит близ Бредстритских ворот (её хозяином был другой иностранец – мастер Пандульф из Лукки (*Master Pandulph de Luca*) [38, р. 73]. Опрошенные свидетели показали, что в ночь убийства Джон и двое подельников, Уильям де Уодефорд (*William de Wodeford*) и его жена Джоанна де Кругестере (*Johanna de Crougestere*), проникли на постоянный двор с целью грабежа. Тем не менее в процессе преступления Джон якобы «осознал» (*perceiving*) всю неправоту своих действий, после чего Уильям велел ему пойти на кухню и развести огонь. Собираясь разжечь пламя, Джон опустился на колени, после чего Уильям нанёс ему смертельный удар топором, раскроив череп, а затем попытался избавиться от трупа, уложив его в разожжённую печь. Тело было обнаружено Томасом ле Кью (*Thomas le Keu*), вероятно, также французом по происхождению, который и «поднял крик, чтобы созвать народ» (*raised the cry so that the country came*). Двое иностранцев присутствовали и среди заверителей (*neighbours*) – это выходцы из Нидерландов Адам Брабансон (*Adam Brabanson*) и Роджер де Эвере де Бредстрит (*Roger de Evere de Bredstret*) [38, р. 74]. Поскольку следствие располагало сведениями, что убийцы владеют домом на Милк-стрит, коронер дал шерифам предписание немедленно арестовать их, как только они появятся в пределах своего бейливила.

Другой показательный случай произошёл в 1340 г. и был связан со смертью некоего Уолтера Уолдешея (*Walter Waldeshej*), скончавшегося на следующий день после нападения двух брабантских купцов Годекина и Генри де Хаундсберг, приходившихся друг другу родственниками (*Godekin de Houndsbergh of Brabant and Henry <...> his kinsman*) [38, р. 271]. Иноzemцы атаковали его на Хай-стрит в районе Ломбард-стрит напротив церкви Св. короля Эдмунда и нанесли несколько ударов мечами, бросив умирать. Несмотря на то, что инцидент имел место 28 августа, обстоятельства смерти потерпевшего были установлены только в «понедельник, следующий за Праздником Рождества Пресвятой Богородицы», т. е. 9 сентября. В качестве наказания за содеянное коронер постановил конфисковать

имущество Годекина, оценённое в 27 ш. З п., и передать его в ведение Роджера де Форшема, одного из лондонских шерифов [38, р. 271]. Не менее примечательна запись о смерти в июне того же года оружейника Генри Оверстолта (*Henry Overestolte*), утонувшего во время купания в Темзе: среди присяжных по его делу присутствуют красильщик Джон ле Фрейнш (*John le Freynshe*, «*dyeghere*»), вероятно, выходец из французских земель, и трое нидерландцев: Уильям атте Марш (*William atte Marche*), Уильям атте Верик (*William atte Veryc*) и Томас атте Солер (*Thomas atte Soler*), а в числе заверителей – Герман ле Скиппер (*Herman le Skyppere*), возможно, немец, Томас де Испания (*Thomas de Ispania*) и Томас Айришмен (*Thomas Irysshman*) [38, р. 257].

Таким образом, иностранцы занимали одно из центральных мест в экономическом и социальном пространстве Лондона XIV в. Обеспечивая свыше половины всего внешнеторгового оборота города, иноzemные купцы способствовали укреплению контактов английской столицы с материковой Европой, делая её частью формирующегося единого экономического пространства. Вместе с тем, их привилегированный статус нередко подвергался пересмотру со стороны королевской власти, находившейся под давлением местных негоциантов, что особенно ярко демонстрировала политика в области стапельной торговли. Те же меры способствовали постепенному возвышению английского купечества, долгое время находившегося в тени европейских конкурентов.

Борясь за расширение своего присутствия, охраняя традиционные сферы деятельности (розничная торговля и т. д.) и будучи частью городского сословия, «торговый класс» Лондона использовал доступные ему механизмы муниципального регулирования. Стремясь по мере возможности оградиться от активного проникновения в местный социум элементов, изъятых из его юрисдикции и обложения, представителей чуждых культур, город способствовал их постепенной натурализации, а затем ассимиляции, свидетельством чего становились смешанные браки и принятие первыми поколениями их потомков английских имён. Те же процессы приводили ко всё большей вовлечённости иностранцев в дела городского самоуправления, политической и повседневной жизни магистратов, что делало их участниками или невольными жертвами конфликтов интересов муниципальных элит. Сохранение культурной самобытности, закрытый образ жизни практиковались лишь наименее обеспеченными группами иноzemцев, характерным выражением чего становилось соответствующее отношение к окружавшим их реалиям и людям. Экономическая конкуренция и предвзятость мнений способствовали развитию представлений о вреде широкого иностранного присутствия

в Англии и необходимости стимулирования собственной торговли, отчётиво проявившихся уже в XV в.

Примечания

- ¹ Известна под этим названием с 1382 г. В Винтри располагалось здание ганзейского Гилдхолла, в Доутейте – жилые и складские помещения.
- ² В 1353 г. был издан ордонанс, а в 1354 г. – парламентское решение об установлении системы из 15 внутренних стаплей, предполагавшей значительные привилегии для иностранцев. Размер пошлины для них был увеличен до 10 ш. с 1 мешка шерсти.
- ³ Иной сценарий развития событий демонстрировал Бристоль, где в ответ на королевское решение были подтверждены все прежние ограничения для иностранцев.
- ⁴ Либерти (англ. *liberty*) – в Англии – единица административного деления, на которой от правление правосудия передано королю в руки местного феодала. Земля вокруг расположенной здесь коллегиальной церкви Св. Мартина Турского принадлежала светским каноникам, т. е. сохранявшим право владения частной собственностью и получения рент. Церковь была закрыта и снесена в 1548 г., а её территория поглощена Вестминстерским аббатством. Вплоть до 1830-х гг. сохраняла формально независимый от Сити статус, в административном отношении считаясь частью графства Миддлсекс, а в политическом – Вестминстерского избирательного округа.
- ⁵ В 1364 г. Эдуард III подтвердил положения статута 1354 г., отменив стапельную монополию Кале, введённую в 1363 г.
- ⁶ В начале 1371 г. англичане получили возможность вывозить шерсть без её предварительного взвешивания и оценки стоимости на внутренних стаплях.
- ⁷ В октябре 1378 г. Джон Гонт действительно вернул иностранцам их привилегии, однако это решение, носившее характер ситуационной уступки «новому» патрициату, могло быть продиктовано как участием мэра Лондона бакалейщика Джона Филпота (ум. 1384) в аресте сподвижника герцога Ланкастерского сэра Ральфа Феррерса, обвинявшегося в измене, так и позицией более крупных потребителей иностранных товаров из числа феодальной знати.

Список литературы

1. Фиц-Стефен У. Описание благороднейшего города Лондона / пер. и comment. Н. А. Богодаровой // Городская жизнь в средневековой Европе / отв. ред. Е. В. Гутнова. М. : [Б. и.], 1987. С. 147–156.
2. The Libelle of Englyshe Polysye. Маленькая книжечка об английской политике / пер. со среднеангл., ст. и примеч. В. И. Золотова. Брянск : Курсив, 2012. 88 с.
3. Золотов В. И. Английское общество после Столетней войны // Французский ежегодник 2008: Англия и Франция – соседи и конкуренты. XIV–XIX вв. / гл. ред. А. В. Чудинов. М. : Издательство ЛКИ, 2008. С. 47–58.
4. Золотов В. И. Переходный период позднесредневековой Англии в общественной мысли страны XV века // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2012. № 2. С. 49–52.
5. Репина Л. П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV века / отв. ред. Е. В. Гутнова. М. : Наука, 1979. 221 с.
6. Lipson E. The Economic History of England : in 3 vols. Vol. I. The Middle Ages. 7th ed., revised and enlarged. London : Adam and Charles Black, 1937. 674 p.
7. Штокмар В. В. Очерки по истории Англии XVI века / отв. ред. А. Д. Люблинская. Л. : Издательство Ленинградского университета, 1957. 159 с.
8. Кённингэм У. Рост английской промышленности и торговли. Ранний период и средние века / пер. Н. В. Теплова. М. : Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1904. 591 с.
9. The Cambridge Urban History of Britain : in 3 vols. / gen. ed. P. Clark. Vol. I. 600–1540. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. 787 р.
10. Репина Л. П. Население городов: городская иммиграция и этнические группы // Город в средневековой цивилизации Западной Европы : в 4 т. Т. 1. Феномен средневекового урбанизма / отв. ред. А. А. Сванидзе. М. : Наука, 1999. С. 198–207.
11. Barron C. M. London in the Later Middle Ages: Government and People, 1200–1500. Oxford : Oxford University Press, 2004. 472 р.
12. Гиббингс Г. Промышленная история Англии / пер. А. Каменского. 2-е доп. изд. с примеч. и прилож. СПб. : Склад изданий О. Н. Поповой, 1898. 238 с.
13. Чернова Л. Н. Лондон и города континентальной Европы в первый период Столетней войны // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 327–337. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-327-337>, EDN: YBLJEM
14. Джиселегов А. К. Торговля на Западе в средние века. СПб. : Типография Акционерного Общества Брокгауз-Ефрон, 1904. 223 с.
15. Childs W. R. Anglo-Castilian trade in the later Middle Ages. Manchester : Manchester University Press, 1978. 264 р.
16. Сергеева Л. П. Ганзейская торговля и политика Англии в XIV веке // Средневековый город: межвуз. науч. сб. / отв. ред. С. М. Стам. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1983. Вып. 7. Экономическое развитие и социальная борьба в городах Англии, Франции, Италии, Германии XII–XVII веков. С. 51–63.
17. Эшли У. Дж. Экономическая история Англии в связи с экономической теорией / пер. Н. Муравьева ; под ред. Д. Петрушевского. М. : Типография А. Г. Кольчугина, 1897. 814 с.
18. Медведева Т. А. Иностранные ремесленники в английских городах XV в. // Англия XV–XVII вв. Проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма : межвуз. сб. / отв. ред. Е. В. Кузнецова.

- Горький : Издание Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, 1981. С. 65–68.
19. Праздников А. Г. Английский город XIV–XV веков: социальная структура и менталитет. Киров : Издательство ВятГУ, 2007. 204 с.
20. Евсеев В. А. «Городская цивилизация» Англии от Тюдоров до Стоартов. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2019. 636 с.
21. Calendar of Letter-Books preserved among the Archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall / ed. by R. R. Sharpe. Letter-Book C. Circa A. D. 1291–1309. London : John Edward Francis, 1901. 290 p.
22. Купеческие хартии в Англии начала XIV в. и их предыстория / пер. и вступ. ст. Ю. В. Баранова // Средние века. М. : Наука, 1992. Вып. 55. С. 234–247.
23. Calendar of Letter-Books preserved among the Archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall / ed. by R. R. Sharpe. Letter-Book D. Circa A. D. 1309–1314. London : John Edward Francis, 1902. 367 p.
24. Calendar of Letter-Books preserved among the Archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall / ed. by R. R. Sharpe. Letter-Book E. Circa A. D. 1314–1337. London : John Edward Francis, 1903. 369 p.
25. The Historical Charters and Constitutional Documents of the City of London / intr. and notes by an antiquary. London : Whiting & Co., Limited, 1884. 338 p.
26. Memorials of London and London Life, in the XIIIth, XIVth, and XVth centuries: Being a series of extracts, local, social, and political from the Early Archives of the City of London, A. D. 1276–1419 / sel., transl., and ed. by H. T. Riley. London : Longmans, Green, and Co., 1868. 706 p.
27. Calendar of Letter-Books preserved among the Archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall / ed. by R. R. Sharpe. Letter-Book F. Circa A. D. 1337–1352. London : John Edward Francis, 1904. 384 p.
28. Calendar of Letter-Books preserved among the Archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall / ed. by R. R. Sharpe. Letter-Book G. Circa A. D. 1352–1374. London : John Edward Francis, 1905. 392 p.
29. Яблонская О. В. Борьба «старого» и «нового» патрициата в Лондоне в последней четверти XIV века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 50–57.
30. Хилтон Р., Фаган Г. Восстание английского народа в 1381 г. / пер. с англ. Ф. А. Коган-Бернштейн ; под ред. и с предисл. Е. А. Косминского. М. : Издательство иностранной литературы, 1952. 194 с.
31. Calendar of Letter-Books preserved among the Archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall / ed. by R. R. Sharpe. Letter-Book H. Circa A. D. 1375–1399. London : John Edward Francis, 1907. 527 p.
32. Яблонская О. В. Конфликты и компромиссы политической элиты Лондона в 1370–1380-х годах // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2014. № 2. С. 4–15.
33. Calendar of Letters from the Mayor and Corporation of the City of London, A. D. 1350–1370, Enrolled and Preserved Among the Archives of the Corporation at the Guildhall / ed. by R. R. Sharpe. London : John C. Francis, 1885. 223 p.
34. Warner K. London, A Fourteenth-Century City and Its People. [S. l.] : Pen & Sword Books Ltd, 2022. 209 p.
35. Документы по истории Лондона XIV – начала XV вв. // Средневековый город. Приложение к ежегоднику «Средние века» / пер. и примеч. А. Н. Леонова ; сост. Е. Е. Бергер ; общ. ред. А. А. Сванидзе. М. : Институт всеобщей истории РАН, 2005. Вып. 1 С. 211–230.
36. A Chronicle of London, from 1089 to 1483; written in the fifteenth century, and for the first time printed from MSS. in the British Museum: to which are added Numerous Contemporary Illustrations, consisting of royal letters, poems, and other articles descriptive of public events, or of the manners and customs of the metropolis. London : Longman, Rees, Orme, Brown, and Green, 1827. 274 p.
37. Яброва М. М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе: Лондон XIV – начала XVI века / под ред. С. М. Стама. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1983. 230 с.
38. Calendar of Coroners Rolls of the City of London. A. D. 1300–1378 / ed. by R. R. Sharpe. London : Richard Clay and Sons, Limited, 1913. 324 p.

Поступила в редакцию 11.11.2024; одобрена после рецензирования 22.11.2024;
принята к публикации 20.01.2025; опубликована 30.06.2025

The article was submitted 11.11.2024; approved after reviewing 22.11.2024;
accepted for publication 20.01.2025; published 30.06.2025